

# Жорж Сименон

## «Человек на улице»

Четверо мужчин, плотно прижатые друг к другу, ехали в такси. Париж был скован морозом. В половине восьмого утра город выглядел мертвенно-бледным, ветер гнал по мостовым ледянную пыль.

Самый щуплый из четырех, с прилипшей к верхней губе сигаретой и в наручниках сидел на откидном сиденье. Самый представительный, с массивной челюстью, в тяжелом пальто и котелке, курил трубку, провожая взглядом мимо решетку Булонского леса.

— Вы хотите, чтобы я разыграл настоящую истерику, набузил как следует? — спросил мужчина в наручниках. — С конвульсиями, с пеной у рта, ругательствами и прочими?..

А Мегрэ, выдергивая у него изо рта сигарету и открывая дверцу, поскольку они уже прибыли к заставе Багатель, буркнул:

— Особо не выпендривайся!

Пустынные аллеи Булонского леса были белыми, словно высеченными из мрамора, и такими же твердыми. Небольшая группа человека в десять пританцовывала на месте от холода в одной из аллей, в их числе — фотограф, поспешивший направить на приближавшихся мужчин аппарат. Однако малыш Луи, как его называли сопровождавшие, успел заслонить лицо руками.

Мегрэ, с виду очень недовольный вертел головой точно медведь, при этом ничто не ускользало от его внимания: ни новые дома на бульваре Ричарда Услесса, с еще закрытыми ставнями, ни рабочие на велосипедах, едущие на Плюто, ни прогромыхавший мимо ярко освещенный трамвай, ни две спешившие к месту происшествия консьержки с фиолетовыми от холода руками.

— Кажется сработало, — проворчал он. Накануне были приняты меры к тому, чтобы в газетах появилось сообщение следующего содержания:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ У ЗАСТАВЫ БАГАТЕЛЬ

На сей раз полиции не потребовалось много времени, чтобы прояснить дело, выглядевшее невероятно сложным. Как уже сообщалось, в понедельник утром одним из сторожей Булонского леса был обнаружен в аллее, в сотне метров от заставы Багатель, труп, вскоре опознанный.

Это оказался Эрнест Бормс, довольно известный врач из Вены, обосновавшийся в Нейин несколько лет назад. Убитый был в вечернем костюме. Он, вероятно, подвергся нападению в ночь с воскресенья на понедельник, возвращаясь домой, в свою квартиру на бульваре Ричарда Услесса.

Выстрел был произведен в упор из пистолета малого калибра, пуля попала прямо в сердце.

Бормс, будучи еще молодым, красивым и элегантным мужчиной, вел светский образ жизни.

И вот не прошло и сорока восьми часов, как полиция задерживает убийцу. Завтра утром, между семьью и восемью часами, он будет доставлен на место преступления для проведе-

ния следственного эксперимента.

Впоследствии, на набережной Орфевр, частенько вспоминали это дело, как, возможно, наиболее характерное для метода Мегрэ; однако сам комиссар, когда речь об этом заходила в его присутствии, почему-то неизменно странным образом отворачивался в сторону и что-то недовольно ворчал.

Итак, все были в сборе. Как и предполагалось, практически не было зевак: столь ранний час был выбран комиссаром отнюдь не случайно. Кроме того, в кучке пританцовывающих от холода зрителей, приглядевшихся, можно было распознать нескольких инспекторов, глазеющих на происходящее с самым невинным видом, причем один из них, Торранс, обожавший всякие маскарадные трюки, вырядился молочником, что заставило Мегрэ недоуменно пожать плечами.

Лишь бы Малыш Луи не переборщил!.. Старый клиент, задержанный накануне за кражу в метро...

— Окажешь нам завтра утром небольшую услугу — и мы постараемся, на этот раз, чтобы

тебе не слишком много припаяли...

— Ну, рассказывай! — буркнул Мегрэ. — Ты услышал шаги. Сам ты в это время прятался где, здесь, да?

— Все было в точности, как вы говорите, господин комиссар... Я подумал, что у типа в смокинге, возвращающегося домой, карманы должны быть набиты деньгами... «Жизнь или кошелек!» — шепнул я ему в самое ушко... И, клянусь, я не виноват, эта проклятая пушка сама выстрелила... Скорее всего, палец свело от холода и он нечаянно задел собачку...

Одннадцать утра. Мегрэ меряет шагами свой кабинет на набережной Орфевр, выкуривая трубку за трубкой и то и дело без всякой нужды хватая телефонную трубку.

— Алло! Это вы патрон?... Говорит Люкас... Я выяснил со старичком, слишком увлеченно наблюдавшим за экспериментом... Ничего интересного... Помешан на ежеутренних мозионах в Булонском лесу...

— Ладно! Возвращайся... Четверть двенадцатого.

— Алло, патрон?... Торранс!... Я проследил за молодым человеком, которого вы мне указали краем глаза... Принимает участие во всех детективных конкурсах... Работает продавцом в одном из магазинов на Елисейских полях... Возвращаться?

И только без пяти двенадцать — следующий звонок.

Жанвье.

— Очень спешу, патрон... Боюсь, как бы птичка не упорхнула.. Наблюдаю за ним в зеркальце в дверце кабины... Мы в баре Нэн Жон, на бульваре Рошешуар... Да... Он меня вычислил. Совесть у него явно нечиста... Переходя Сену, что-то выбросил в воду... Раз двадцать пытался меня скинуть... Я вас жду?

Так началась охота, которой, предстояло продлиться пять дней и пять ночей, среди спешащих по улицам прохожих, по ни о чем не подозревающему Парижу, из бара в бар, из бистро в бистро, по одну сторону — одинокий человек, по другую — Мегрэ со своими инспекторами, сменявшиими друг друга и тем не менее вымотавшимися не меньше, чем объ-

ект их травли.

Мегрэ вышел из такси у бара Нэн Жон и обнаружил Жанвье у стойки. Он не стал притворяться. Напротив!

— Который? — сразу же спросил он.

Инспектор подбородком указал на человека, сидевшего за столиком в углу. Человек смотрел на них очень светлыми, серо-голубыми глазами, придававшими ему вид иностранца. Скандинав? Славянин? Скорее славянин. В сером пальто, хорошо сшитом костюме, мягкой шляпе.

На вид лет тридцать пять, не больше. Бледное, гладко выбритое лицо.

— Что будете пить, патрон?

— Пусть будет виски. А что пьет он?

— Коньяк. Пятая рюмка с утра... Не взыщите, если язык у меня немного заплетается: пришлось сопровождать его по всем быстро... Силен, однако... Взгляните на него... И вот так с самого утра... Глаз не опустит, наверно, и перед монархом...

Это было похоже на правду. И это было странно. Во взгляде человека не было ни над-

менности, ни подозрительности. Он просто смотрел на них. И если и испытывал какое-то беспокойство, то внешне это никак не проявлялось. Лицо его выражало скорее грусть, но грусть спокойную задумчивую.

— Там, в лесу, заметив ваш взгляд, он тут же поспешил прочь. Я за ним. Не пройдя и ста метров, оглядывается. И вместо того, чтобы войти в ворота, к которым явно направлялся, вдруг ускоряет шаг и сворачивает в первую попавшуюся аллею, снова оглядывается, увидев меня. Несмотря на холод, уселся на скамейку. Я остановился... Несколько раз мне казалось, что ему хотелось заговорить со мной, но каждый раз он снова удалялся, пожав плечами...

У ворот Дофин я едва не потерял его из виду, так как он почти на ходу прыгнул в такси. Совершенно случайно мне удалось почти сразу же остановить машину. Вышел на площади Оперы, бросился в метро... Мы сделали одну за другой пять пересадок, и он начал понимать, что ему от меня не отделаться...

Поднялись на поверхность. Очутились на площади Клиши. С тех пор переходим из бара в бар... Я все ждал подходящего места, с телефонной кабиной, из которой можно было бы за ним наблюдать... Увидев меня у телефона, он как-то странно, горько усмехнулся... И с тех пор, честное слово, могу поклясться, вроде ждал вас...

— Позвони «домой»... Пусть Люкас и Торранс будут наготове и присоединятся к нам по первому же сигналу... И еще нужен будет фотограф... с маленьким аппаратиком...

— Гарсон! — окликнул официанта незнакомец. — Сколько с меня?

— Три пятьдесят...

— Держу пари, что он поляк... — проговорил Мегрэ. — Вперед...

Идти пришлось недалеко. На площади Бланш они вошли вслед за человеком в небольшой ресторанчик, уселись за соседний столик. Ресторан был итальянский, и они угостились спагетти.

В три часа Люкас сменил Жанвье, когда они с Мегрэ находились в пивной напротив Се-

верного вокзала.

— Фотограф? — спросил Мегрэ.

— Ждет на улице, чтобы поймать его на выходе...

И действительно, когда поляк покинул, наконец заведение, перечитав кипу газет, к нему быстро направился один из инспекторов и на расстоянии метра внезапно осветил вспышкой. Человек мгновенно вскинул руку к лицу, но было поздно, и тогда, давая понять, что он все понимает, он бросил на Мегрэ полный упрека взгляд.

— Ты, мил человек, — бормотал сам с собой комиссар, — имеешь все основания не вести нас к себе домой. Однако, если у тебя есть терпение, то и у меня его по крайней мере не меньше, чем у тебя...

Вечером, когда незнакомец, засунув руки в карманы, шагал по улицам, дожидаясь наступления ночи, в воздухе, все прибывая, запорхали снежинки.

— Ночью идите отдыхать, патрон, — сказал Люкас.

— Нет! Ты лучше займись фотографией. Прежде всего, сверься с картотекой. Затем займись иностранцами. Этот малый неплохо знает Париж. Явно не вчера приехал. Его должны знать...

— А не поместить ли его портрет в газетах?

Мегрэ взглянул на подчиненного с презрением: значит, Люкас, проработавший с ним столько лет, ничего не понимал! Разве была у них хоть малейшая улика? Ни одной! Ни одного свидетельства! Убитый ночью в Булонском лесу мужчина Оружие не обнаружено. Отпечатков нет. Доктор Бормс жил один, и его единственная прислуга представления не имеет, у кого он был в тот вечер.

— Делай то, что я говорю! Ступай...

В полночь незнакомец решается, наконец, переступить порог какой-то гостиницы. Мегрэ входит за ним следом. Это второ— или даже третъеразрядный отель.

— Мне нужна комната...

— Соблаговолите заполнить анкету.

Он заполняет, чуть помешкав, одревеневшими от холода пальцами. Бросает на Мегрэ

высокомерный взгляд, как бы говоря:

— Уж не думаете ли вы, что это может меня смутить!.. Написать можно что угодно...

И он, в самом деле, пишет первое пришедшее в голову имя: Николя Слааткович, проживающий в Кракове, вчера прибывший в Париж.

Вранье, конечно. Мегрэ все же звонит в уголовку. Там просматривают досье обитателей меблировок, картотеки иностранцев, поднимают на ноги пограничные посты. Никакого Николя Слаатковича.

— Вам тоже комнату? — интересуется хозяин с кислой миной, нюхом учаяв полицейского.

— Спасибо, не надо. Я переночую на лестнице.

Так надежнее. Он устраивается на ступеньке как раз напротив седьмого номера. Дверь номера дважды приоткрывается. Человек шарит взглядом в темноте, различает силуэт Мегрэ и в конце концов укладывается спать. К утру щеки и подбородок его покрываются жесткой щетиной. Не было у него возможно-

сти и сменить белье. У него даже расчески не было, и волосы тоже были приглажены кое-как.

Только что прибыл Люкас.

— Я сменю вас, патрон?

Мегрэ не хочет покидать своего незнакомца. Он видел, как тот расплачивался за комнату. Видел, как он побледнел. И все понял.

Чуть позже, в одном из баров, где они, так сказать, бок о бок пьют кофе и едят булочки, человек откровенно, не прячась производит подсчет своего наличного капитала. Ассигнация в сто франков, две монеты по двадцать, одна десятифранковая и мелочь. Губы у него растягиваются в горькой усмешке.

Вот как! Ну, с такими деньгами ему далеко не уйти. Вчера, в Булонский Лес, он явно явился прямо из дома: гладко выбритый, ни единой пышинки, ни одной лишней складочки на одежде. Наверняка рассчитывал вскоре вернуться домой. Даже не проверил наличность своих карманов.

Что же касается того, что он выбросил в Сену, то Мегрэ догадывался, что это было:

личные документы, возможно, визитные карточки.

Намерен ни за что не обнаруживать места своего проживания.

И скитания бездомных возобновляются, с остановками у витрин магазинов, у лотков, в барах, куда приходится время от времени заходить, хотя бы для того, чтобы немного посидеть, тем более, что на улице очень холодно, с чтением газет в пивных...

Сто пятьдесят франков! Отныне никаких ресторанов в обеденное время. Человек довольствуется крутыми яйцами, которые съедает стоя, в какой-то забегаловке, и запивает кружкой пива, в то время как Мегрэ поглощает сандвичи.

Долго колеблется, не решаясь зайти в кинотеатр. Правая рука в кармане позякивает мелочью. Нет, лучше потерпеть... Шагает дальше... Шагает... Шагает...

Кстати! Мегрэ делает одно наблюдение. Это изнурительное хождение по городу все время происходит в одних и тех же кварталах: от Трините к площади Клиши... от площади

Клиши к Барбес, по улице Коленкур... от Барбес к Северному вокзалу и на улицу ла Файет...

Не опасается ли он в других местах быть узнанным? Несомненно, он избрал кварталы, наиболее удаленные от его дома или отеля — кварталы, где он почти не бывал прежде.

Подобно большинству иностранцев, наверняка предпочитает для прогулок Монпарнас, район Пантеона?

Одежда его свидетельствует о среднем достатке. Удобная, строгая, хорошего покроя. Явно представитель одной из так называемых «либеральных» профессий. Постой-ка! Обручальное кольцо! Так, он значит, женат!

Мегрэ пришлось в конце концов сдаться и уступить свое место Торрансу. Заскочил домой. Мадам Мегрэ осталась очень недовольна, так как приехала из Орлеана ее сестра, она приготовила прекрасный обед, а ее супруг наскоро побрившись и переодевшись, тут же снова убежал, буркнув на ходу, что не знает, когда вернется.

Набережная Орфевр.

— Люкас ничего для меня не оставлял?

Оставил! Записку. Он показывал фотографию во всех польских и русских кругах. Человека никто не знает. В политических кругах — также ничего. Тогда он приказал отпечатать знаменитую фотографию в несметном числе экземпляров, и теперь, во всем квартале Парижа, полицейские ходят от дома к дому, от консьержки к консьержке, предъявляя ее также хозяевам баров и гарсонам в кафе.

— Алло! Комиссар Мегрэ? Это билетерша из «Сине-Актюа-лите», что на Страсбургском бульваре... Тут один господин... М. Торранс... Он велел мне позвонить вам и сообщить, что он здесь, но не может покинуть зала...

Соображает, чертяка! Правильно высчитал, что это самое удобное отапливаемое место в Париже, где можно почти задаром пробыть несколько часов... Два франка за вход — и можешь смотреть сколько угодно сеансов подряд!...

Некое подобие любопытной интимности установилось меж преследователем и пресле-

дуемым, меж человеком со все отрастающей бородой и все более теряющей форму одеждой и Мегрэ, ни на секунду не выпускающим его из поля своего зрения. Одна забавная подробность: оба они, как один, так и другой, схватили насморк. Оба ходят теперь с красивыми носами и почти одновременно извлекают из карманов носовые платки. А один раз, когда комиссар разразился целой серией чихов, тот, другой, не смог сдержать невольной улыбки.

Грязный отель на бульваре Шапель, после пяти подряд сеансов в «Сине-Актюалите». То же имя в регистрационном журнале. И снова Мегрэ устраивается на ступеньке лестницы. Но поскольку этот отель представляет собой нечто вроде проходного двора, то его всю ночь беспокоят спускающиеся и поднимающиеся парочки, удивленно оглядывающиеся на него, причем женщины с явной опаской.

Решится ли он, исчерпав запас денег, или же запас нервов, вернуться домой? В одной из пивных, где они просидели довольно долго и где ему пришлось снять свое серое пальто,

Мегрэ бесцеремонно снял это пальто с вешалки и заглянул под воротник, на нем стояла марка «Ольд Ингленд, бульвар де Итальен». Магазин готового платья, должно быть продавший несколько дюжин таких пальто. Впрочем одна деталь. Куплено прошлой зимой. Значит, незнакомец живет в Париже по меньшей мере год. А за столь длительный срок он не мог не обзавестись каким-либо «гнездом».

Мегрэ, пытаясь справиться с насморком, заказывает гроп за гропом. Его противник теперь уже тратит деньги как заправский скряга. Пьет только кофе, никаких коньяков. Питается одними булочками и крутыми яйцами.

Вести из «дома» прежние: ничего нового. Никто не опознал поляка по фотографии. Не поступало также заявок о чьем-либо исчезновении.

Со стороны убитого тоже ничего существенного. Большая практика. Значительные доходы. Политикой не занимался, вращался в светских кругах и, будучи специалистом по нервным заболеваниям, пользовал в основном женщин.

Это был опыт, который Мегрэ еще ни разу не представлялся случай довести до конца: за какой срок человек, хорошо воспитанный, прилично одетый, следящий за собой, будучи выброшенным на улицу, утрачивает нынешний лоск?

За четыре дня! Теперь он это знал. Прежде всего — борода. В первый день человека можно было принять за адвоката, врача, архитектора или среднего промышленника, и выглядел он только что покинувшим уютную, теплую квартиру. Покрывавшая щеки и подбородок четырехдневная щетина изменила его до такой степени, что если опубликовать в газетах его теперешнее изображение в связи с убийством в Булонском лесу, все тут же решат:

— Конечно, это он: у него же лицо убийцы!

От холода и недосыпания у человека покраснели края век, а от простуды появился на скулах нездоровий румянец. Ботинки, давно нечищенные, выглядели бесформенными. Пальто стало мешковатым, а брюки отвисли

на коленях.

Вплоть до походки... Он и шел теперь иначе... Задевая стены... Опускал глаза под взглядами прохожих... Еще одна деталь: проходя мимо витрин ресторанов с сидящими за богато сервированными столами клиентами, отворачивался в сторону...

— Твои последние двадцать франков, бедняга! — мысленно подсчитывал Мегрэ. — А что же дальше?...

Люкас, Торранс и Жанвье сменяли его время от времени, но он старался уступать свое место как можно реже. Пулей летел на набережную Орфевр, забегал к шефу:

— Вам бы не мешало как следует выспаться, Мегрэ...

А Мегрэ, недовольный, насупленный, словно мучимый какими-то противоречивыми чувствами:

— Скажите, я ведь обязан найти убийцу, да или нет?

— Безусловно...

— Тогда вперед! — вздыхал он с какой-то горечью в голосе. — Интересно, где мы будем

ночевать сегодня...

Не было уже и двадцати франков! Когда он присоединился к Торрансу, тот сообщил, что незнакомец съел три крутых яйца, выпил две чашки кофе и рюмку коньяка в баре на углу улицы Монмартр.

Незнакомец вызывал у Мегрэ восхищение. Открыто шагая за ним по улицам, почти дыша ему в затылок, порой идя почти рядом, он с трудом удерживался от того, чтобы не заговорить с ним.

— Ну-ну, старина!.. Не пора ли выкладывать карты на стол?.. Ведь где-то тебя ждет уютное гнездышко, постель, домашние тапочки, бритва... А?.. И вкусный обед...

Но нет! Человек бродил и бродил, теперь под лампами крытого рынка, в числе других бродяг, не знающих, куда приткнуться, среди груды капусты и моркови, сторонясь при сигнале тележек и грузовиков с товаром на завтра.

— Тебе больше нечем заплатить за ночлег!

Метеослужба зафиксировала в этот вечер восемь градусов ниже нуля. Человек угостил-

ся горячими сосисками, которые торговка жарила прямо под открытым небом. Теперь от него всю ночь будет нести чесноком и пригорелым салом!

В какой-то момент он попытался пробраться в один из павильонов рынка и устроиться там в уголочке. Полицейский, которого Мегрэ не успел остановить, выпроводил его оттуда. Человек едва волочил ноги. Набережная. Мост Искусств. Лишь бы ему не пришла в голову фантазия броситься в Сену! Мегрэ отнюдь не ощущал в себе достаточно отваги, чтобы прыгать вслед за ним в эту черную воду, кое-где уже подернутую ледком.

Прошли вдоль набережной со стоявшими на якоре судами. Потревоженные бродяги недовольно ворчали. Под мостами все хорошие места были уже заняты.

На маленькой уличке, возле площади Мобер, в окнах странного бистро видны были старики, спавшие, положив головы прямо на стол. Всего за двадцать су, да еще и со стаканом вина впридачу! Человек оглянулся на него в темноте. Безнадежно махнул рукой и

толкнул дверь. Дверь распахнулась и тут же захлопнулась, но Мегрэ успел ощутить на лице поток тошнотворного воздуха. Сам он предпочел остаться на улице. Подозвал полицейского и оставил сторожить дверь, сам же отправился звонить Люкасу, дежурившему в ту ночь.

— Мы уже час вас разыскиваем, патрон. Нашли! Узнала одна консьержка... Зовут его Стефан Стревзки, архитектор, 34 года, родился в Варшаве, три года живет в Париже... Работает в предместье Сен-Онорэ... Женат на одной венгерке, обалденной красотке по имени Дора... Занимают в Пасси, на улице Помп, квартиру с рентой в двенадцать тысяч франков... Никакой политики... Убитого консьержка никогда не видела... В понедельник утром Стефан вышел из дома раньше обычного... Консьержка была удивлена тем, что он так и не вернулся, но не стала беспокоиться, убедившись, что...

— Который час?

— Половина четвертого... Я тут сижу один... Приказал принести пива, но оно такое холод-

ное...

— Слушай, Люкас... Сейчас же... Впрочем, ты прав! Для утренних слишком поздно... Но в вечерних... Ты все понял?...

С этой ночи одежда его прочно впитала в себя запах нищеты. Глаза еще больше ввалились, у рта залегла скорбная складка. Взгляд, брошенный им Мегрэ этим бледным зимним утром, содержал горчайший укор.

Разве не они довели его, постепенно, и в то же время с умопомрачительной скоростью, до этой самой самой нижней ступени социальной лестницы? Он поднял воротник пальто. Далеко не пошел. Бочком втиснулся в ближайшее, только что открывшееся бистро и выпил один за другим четыре стакана спиртного, словно желая заглушить отвратительный привкус, оставшийся у него во рту и в груди от этой ночи.

Тем хуже для него! Теперь у него не было ни гроша! Ему оставалось лишь бродить по этим улицам, скользким от гололеда Выглядел совершенно изнуренным. Прихрамывал

на левую ногу. Время от времени останавливался и оглядывался вокруг с выражением откровенного отчаяния на лице.

С тех пор, как он перестал заходить в кафе с телефонами, Мегрэ не мог никого позвать себе на смену. Снова набережная. Гулящий по Сене ледяной ветер. Позвякивание бьющихся друг о другку льдинок у барж

Мегрэ издали увидел Уголовную полицию на набережной Орфевр, окна своего кабинета. Хоть бы Люкас...

Он еще не знал, что это жестокое расследование войдет в классику угрозыска, и многие поколения инспекторов будут вновь и вновь пересказывать его друг другу во всех подробностях. Самой нелепой во всей этой истории была одна деталь, особенно терзавшая его: на лбу у незнакомца вскочил прыщ, при более близком рассмотрении даже более похожий на фурункул, красный цвет которого постепенно начинал приобретать фиолетовый оттенок.

Хоть бы Люкас...

В полдень человек, несомненно прекрасно ориентировавшийся в Париже, направился к месту раздачи бесплатного супа в конце бульвара Сен-Жермен. Стал в хвост цепочки оборванцев. Какой-то стариk из очереди попытался заговорить с ним, он сделал вид, что не понимает. Тогда другой, с изрытым оспинками лицом, обратился к нему по-русски...

Мегрэ перешел на другую сторону улицы, к бистро, поколебался, но не смог отказаться от пары сандвичей. Ел, полуотвернувшись от окна, чтобы тот, другой, не видел, как он ест.

Нищие в очереди продвигались очень медленно, входили вчетвером или вшестером в помещении, где им выдавали по миске горячего супа Хвост постепенно удлинялся. Время от времени задние начинали напирать, тогда остальные принимались возмущаться.

Час дня... Из-за угла появился несущийся во весь опор мальчуган...

— Покупайте «Лентран»... «Лентран»...

Он спешил оказаться первым, обогнать других. Издали определял в толпе прохожих возможных покупателей. На цепочку нищих,

естественно, не обратил никакого внимания.

— Покупайте...

Человек робко поднял руку:

— Э-эй!

Очередь в изумлении уставилась на него. Так значит, он еще располагал несколькими су, чтобы позволить себе роскошь купить газету?!

Мегрэ в свою очередь подозвал мальчишку, развернул газету и с облегчением обнаружил на первой же странице то, что жаждал увидеть: фотографию женщины, молодой, красивой, улыбающейся.

### ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Полиции стало известно об исчезновении, четыре дня назад, молодой полячки, М-м Доры Стревзки, не вернувшейся в свою квартиру в Пасси, дом № 7 по улице Помп.

Настораживающая деталь: муж пропавшей, М. Стефан Стревзки, тоже исчез накануне, то есть в понедельник, и консьержка, обратившаяся в полицию, утверждает...

Человеку оставалось преодолеть всего метров пять-шесть, чтобы получить свою миску горячего супа Но он вышел из очереди, быстро пересек улицу, едва не угодив под колеса проезжавшего автобуса, и направился прямо к стоявшему на тротуаре Мегрэ.

— Я в вашем распоряжении! — просто сказал он. — Уведите меня. Я отвечу на все ваши вопросы...

Они все столпились в коридоре Уголовной полиции: Люкас, Жанвье, Торранс и многие другие, не принимавшие участия в деле, но живо интересовавшиеся им. Люкас подмигивает проходящему мимо Мегрэ, что должно означать:

— Все в порядке, патрон.

Дверь открывается и закрывается. На столе — пиво и сандвичи.

— Поешьте сначала...

Человек смущается. Кусок застревает у него в горле. Наконец, начинает говорить:

— Теперь, когда она уехала, когда она в безопасности... У Мегрэ появляется потреб-

ность помешать угли в печке.

— Когда я прочел в газетах об убийстве... Я давно подозревал, что Дора изменяет мне с этим человеком... Я знал также, что она не была его единственной любовницей... Я знал Дору, ее вспыльчивость и самолюбивость... Понимаете?... Если он решил с ней порвать, она была способна.. Тем более, что в сумочке у нее всегда лежал маленький перламутровый пистолет... Когда газеты объявили о задержании убийцы и воспроизведении деталей преступления, я решил посмотреть...

Мегрэ хотелось прервать его и официально заявить, как это делается в английской полиции:

— Предупреждаю вас, что все сделанные вами заявления могут быть использованы против вас.

Комиссар сидел в пальто. Он не снял даже шляпы.

— Теперь, когда она в безопасности... А я полагаю... Человек тоскливо огляделся по сторонам. В глазах мелькнуло смутное подозрение.

— Она должна была все понять, видя, что я не возвращаюсь... Я знал, что все этим кончится, что Бормс ей не пара, что она не позволит обращаться с собой, как с женщиной на вечерок, и в конце концов вернется ко мне... В воскресенье вечером она вышла из дома одна, как это часто с ней бывало в последнее время... Должно быть, она выстрелила в него, когда он...

Мегрэ вытащил платок и громко вы сморкался. Сморкался он долго. Солнечный луч, тонкий и хрупкий луч этого зимнего сквозь стекло. Прыщ, точнее, фурункул ярко блестел на лбу у мужчины, которого Мегрэ уже не мог называть про себя иначе, как «человеком».

— Да, его убила ваша жена.. Когда почувствовала, что он пренебрегает ею... И вы поняли, что убила она.. И не захотели... Внезапно он встал и подошел к человеку.

— Ты уж меня прости, старик, — проворчал он, словно обращаясь к старому другу. — Я ведь был обязан выяснить правду, понимаешь!... Это был мой долг...

Приоткрыл дверь.

— Введите мадам Дору Стревзки... Люкас, продолжай, а я... И в течение двух последних дней комиссар не показывался на набережной Орфевр. Шеф позвонил ему домой:

— Послушай, Мегрэ... Она во всем созналась... Кстати, как ваш насморк?... Мне сказали...

— Ничего страшного, шеф! Уже все в порядке... Через денек... А он как?

— Кто... как?...

— Он!

— А! Понимаю. Нанял лучшего адвоката Парижа.. Надеется... Вы ведь знаете, убийства на почве ревности...

Мегрэ снова улегся в постель и продолжал оглушать себя большим количеством гротов и таблеток аспирина. Позже, когда коллеги пытались завести с ним разговор об этом расследовании:

— Какое расследование?... — ворчал он с таким тоном, что мгновенно отбивал у собеседников всякую охоту к дальнейшим распросам.

А «человек» долго ходил к нему раза по два в неделю и держал в курсе всех надежд и планов адвоката.

Приговор был не то чтобы совсем оправдательным: год с отсрочкой.

И именно «человек» научил Мегрэ играть в шахматы.